



Ханну Мякеля

ЭДИК

*Путешествие в мир
детского писателя Эдуарда Успенского*

Ханну Мякеля Эдик. Путешествие в мир детского писателя Эдуарда Успенского

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8329842

Мякеля, Ханну Эдик. Путешествие в мир детского писателя Эдуарда Успенского:

[биографический очерк: перевод с финского]: АСТ; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-080593-8

Аннотация

Знаменитый детский писатель Эдуард Успенский – человек противоречивый, равнодушный, взрывной, моторный. Только скучным и спокойным его не назовешь. Книга финского писателя Ханну Мякеля, которого мы знаем по чудесной сказочной повести «Страшный господин Ау», посвящена биографии Э.Успенского на фоне советской, а затем российской действительности. Для широкого круга читателей.

Содержание

I		5
	1	5
	2	9
	3	12
	4	16
	5	21
	6	24
	7	27
	8	30
II		33
	1	33
	2	37
	3	40
	4	43
	5	48
	6	53
III		57
	1	57
	Конец ознакомительного фрагмента.	58

Ханну Мякеля
ЭДИК
Путешествие в мир детского
писателя Эдуарда Успенского

Вольнее птицы младость.
А. С. Пушкин «Цыганы», 1824

© Hannu Mäkelä, 2008

© ООО «Издательство АСТ», 2014

I

В начале была Россия

1

С человеком обычно знакомишься только однажды, но с Эдуардом Успенским я знакомился много-много раз. Такой уж он оказался человек. Таким остается и поныне.

Я давно хотел познакомиться с той страной, в которой жил пока неведомый мне Успенский. Я много слышал о Советском Союзе, но побывать за границей тогда мне еще ни разу не довелось. Но именно в это время и произошло мое знакомство номер один, хотя об этом я пока еще и сам не догадывался.

В то время я уже немало прочитал о соседней стране и поэтому имел кое-какое представление о том, что такое Советский Союз: граничащее с Финляндией громадное государство, в котором установлена жесткая дисциплина и подавляющая своих граждан политическая система, радикально отличающаяся от нашей. Власть там принадлежала народу, как утверждала идеология, но несмотря на это, он все равно жил без каких-либо свобод. Так что народ поработал сам себя, и явно успешно, судя по тому, что я слышал.

С другой стороны, что касается литературы, искусства и музыки, то мне было известно, что где-то в глубинах тоталитарного государства все еще можно было отыскать старую Россию. Это было интересно. Но как его обнаружить, этот мир, казавшийся уже ушедшим и утраченным? Я читал Чехова в переводах и не переставал восхищаться им и как писателем, и как человеком. Отсюда и возник интерес к ушедшей России, который с годами еще больше усилился.

Мне очень хотелось познакомиться с русскими, ведь они продолжали жить теперь уже в Советском Союзе. Люди меняются всегда гораздо медленнее, чем системы. По сути, люди не могут сильно меняться, как бы ими ни манипулировали. Это только снаружи кажется, что они изменились, по крайней мере в том случае, если они пытаются это продемонстрировать.

Я много чего прочел, но, как и прежде, обладал о России только книжным знанием. Я понял, что в соседнюю страну нужно в конце концов ехать самому, потому что знал еще и то, что люди в то время не имели возможности выехать оттуда за границу, если они не были партийными, не были агентами или шпионами КГБ и партийного руководства. Чтобы встретиться с обычными, простыми людьми, увидеть обыкновенный народ и те условия, в которых он живет, для начала надо было элементарно попасть в страну: получить визу и въехать туда, если выгорит разрешение.

К этому меня подталкивали в начале 1970-х годов, помимо Чехова, еще и многие другие обстоятельства, в том числе и политическая обстановка в Финляндии. Наши крайне радикальные коммунисты усвоили идеологические принципы СССР и транслировали волю этой страны всем прочим. Власть Кекконена была велика, но в конце 70-х она заметно ослабла, чтобы в 1981 году почти по-брежневски окончиться. И когда стало очевидно, что отношения Кекконена с Советским Союзом уже давно перестали быть интересны финнам, правые подняли голову и стали открыто восхищаться Америкой, этой «самой лучшей и самой свободной страной в мире», как, впрочем, восхищаются и сейчас. «Страны лучше, чем Советский Союз, не бывает», – раздавалось с еще большим напором с другой стороны.

Из книг я узнал об обеих супердержавках что-то совершенно новое. Государственные изгибы внешней политики американцев как раньше, так и сейчас очень прозрачны, их жела-

ние получить доступ ко всем мировым природным ресурсам слишком явно, равно как и их стремление стать ведущей ядерной державой и вообще бесспорным мировым правителем.

Последствия Вьетнамской войны были уже для всех очевидными: чем больше США бомбили и убивали, тем активнее вьетнамский народ сопротивлялся своему врагу, тем сильнее были антивоенные настроения среди самих американцев. СССР в свою очередь отвечал на любую капиталистическую угрозу очень жестко, но все эти выступления подавались нам по инициативе серьезных товарищей как проявление миролюбивой политики восточного соседа; коммунизм превратил бы весь мир в счастливую страну Эльдорадо, к обладанию которой Америка стремилась самыми презренными средствами.

Кто же из них двоих был прав? А вот и никто, это уже начало становиться очевидным. Правда о США уже тогда была разными способами обнародована, а соответствующую правду об СССР можно было, видимо, узнать только лишь через непосредственное знакомство со страной. Это не казалось чем-то чересчур сложным. От Хельсинки до Ленинграда на поезде не дольше, чем, к примеру, до Ювяскюля.

Так я наконец-то решил отправиться в соседнюю страну. А после этого все уже стало другим.

Чудо – это то слово, которое я продолжаю применять к этой стране. ЧУДО. Эти чудеса и этих чудесных людей я встречаю уже больше тридцати пяти лет, в течение которых я ездил и езжу сначала в Советский Союз, а потом в Россию. Моя первая поездка к восточному соседу была организована радиожурналистами, а смешанную и деятельную команду путешественников сколотил накануне Пасхи, насколько я помню, Эско Сеппянен. Я попал в ее состав благодаря работавшей тогда на радио Эве Полттила, моей подруге юности, которая обладала талантом оповещения: оставалось еще несколько свободных мест, которые можно было продать в том числе и на сторону. Так в компании оказались и мы: я и моя первая жена.

Мы все набились в вагон и поехали. Дорога привела нас в Москву, затем в Армению и Грузию. В Россию тогда в основном ездили на поезде. Ведь у нас тогда была одинаковая ширина железнодорожной колеи, которая досталась финнам со времен Российской империи.

Какая страна ждала нас впереди? За границей все казалось совершенно другим, начиная с пограничного поста. Уже само пересечение границы с СССР было событием, маленьким первым потрясением перед более крупными последующими. Приближалась Пасха, хотя признаков весны пока еще было не видно. Когда поезд остановился на следующей после границы станции Лужайка, как раз и начали происходить всякие события.

Я не помню, чего именно я ожидал, но помню, что кругом ощущалась какая-то странная угроза. Вы оказались в мире, в котором можно существовать и нужно вести себя в соответствии с нашими собственными правилами, – гласит скрытое сообщение, висящее в воздухе. Однако сами правила никак не проговариваются, все только на уровне чувств. В подсознание сразу закрадывается чувство осторожности и предчувствие страха. В вагон вошла армия вооруженных плюшевых медвежат сурового вида: молодые люди в полушубках, с винтовками за спиной и застывшим выражением лица. Многие из военнообязанных были командированы за тысячи километров от дома, который находился, если судить по их лицам, далеко на востоке или юге огромной страны. Для них мы были представителями противника в холодной войне, несмотря на то, что мы прибыли через дружественную границу.

Медвежатам была выдана инструкция, которой они придерживались, как солдаты. Неулыбчивые рядовые неспешно прогуливались туда-сюда и обследовали купе, тамбур и туалет. Опустили дополнительные сиденья, в вагоне обнаружили какие-то скрытые места, о наличии которых я даже не подозревал. С тех пор, путешествуя на поезде из года в год, я знаю, что панель на потолке купе снимается, если открутить шесть винтиков (или восемь?). Панель откручивается, пустое пространство под ней тщательно изучается, а затем все медленно привинчивается обратно. Я никогда не видел, чтобы там что-то обнаруживали, но для

досматривающих уже одной возможности спрятать что-либо в этой ячейке было достаточно. В большой полости, которая вдруг совершенно неожиданно обнаружилась под сиденьями, не оказалось ни одного человека, на которого, видимо, как раз и охотились юные медвежата.

Людей тоже обыскивали. Все делали молча, будто при военном положении, в тишине, которая нарушалась лишь каким-нибудь медвежьим рычащим вопросом, заданным на смеси финского и русского. Сталинская тирания породила в свое время в людях точно такой же страх, который начинал нагнетаться всей процедурой обыска.

Но тогда страх был обоснован: достаточно было только подозрения, чтобы оказаться виновным. В период сталинских репрессий 1930-х годов число погибших и пропавших без вести превысило 20 миллионов человек. Я читал, вернее, практически проглотил, превосходную книгу Роберта Конквеста «Большой террор». Она напомнила лишний раз о том, что нас никогда не отправляли ни в какие исправительные лагеря, мы были всего лишь богатыми туристами, которых везли на поезде в Москву, откуда затем отправляли самолетом дальше на Кавказ.

Таким образом, я пытался внушить себе самому, что для страха нет никаких оснований. Но, если быть честным, он все равно был. Деньги и все остальное согласно инструкции были внесены в декларацию, сейчас происходила лишь проверка на соответствие одного другому, прежде чем количество марок (цифрами и прописью...) было обведено шариковой ручкой во избежание исправлений и скреплено в декларации штемпелем, чтобы итоговую сумму уже невозможно было изменить. Досмотрели бумажник, пересчитали деньги. Сумма должна была соответствовать реальному количеству денег до единого пени, как при въезде, так и при выезде.

Ничто в багаже не обладало неприкосновенностью. Все сувениры, подарки и книги с интересом пересматривались, все перерывалось вплоть до нижнего белья. Интимные предметы и личные вещи разворачивались перед всеми обитателями купе. Искали запрещенные книги. Каждую книгу долго перелистывали, особенно те, которые были на русском языке. Недоверие было очень сильным. Фрукты (апельсины, яблоки и все остальные подозрительные) сразу отнимали. Их изымала сотрудница, одетая в гигиеническую спецодежду. Чтобы потом съесть? Паспорта были собраны, их вернули нам лишь после продолжительной проверки. Каждый должен был выглядеть точно как в паспорте, впрочем как и сейчас, в данную минуту. Всех нас признали соответствующими документам, после чего все суровые медведи превратились вдруг в милых плюшевых медвежат, строгие солдаты резко стали моложе своих лет, обернувшись мальчишками, играющими в войнушку. Они выстроились в цепочку и затем удалились, чтобы затаиться в своей теплой камере. А мы остались в вагоне под заботливой, но всеобъемлющей опекой предлагающих чай с печеньем проводниц и проводников в фуражках.

Горячая вода поддерживалась благодаря горящему в самоваре углю в купе проводника. Запах угольного жара я помню до сих пор. А еще при первом движении поезда звон ложки о стекло стакана в подстаканнике, в котором дымился крепкий, почти черный чай.

Еще минуту мы сидели молча, но затем, как только поезд начал свой сначала медленный, неуверенный и погрохатывающий, а затем ускоряющийся и целенаправленный ход, по вагону разнесся оживленный говор. Мы ехали сквозь пустынные карельские леса, мимо брошенных и сторевших домов – все еще видимых печальных следов войны, поваленных как попало деревьев в глухих лесах, через темные сырые низины, в одно мгновение проносившиеся быстрые лесные ручьи, мимо Выборга, который был виден из окна. На стене одного огромного бункера я успел заметить надпись на финском языке «Elovena». Ничего другого на финском написано не было. Город теперь назывался Выборг, а не Виипури. Выборг – давний перевод со шведского, точно такой же, как Гельсингфорс.

Поезд остановился. После долгого ожидания и необходимого контроля нам позволили выйти на платформу и на вокзал. Этого хотелось всем. Путь пролегал к Выборгской «Березке». Это был магазин, название которого означало «Маленькая береза». Почему? Ну, почему-то. Те, кто раньше бывали в Советском Союзе, рекламировали провиант, который можно было купить в «Березке» за валюту. Дешевую и необходимую еду (в том числе шоколад) для нашего долгого путешествия в Москву.

2

В начале 1970-х годов поезд в Выборге стоял долго. Паровозы меняли не спеша, наверное, их тоже тщательно проверяли. Наконец, те же самые вагоны продолжили путь, но теперь их тянул советский паровоз со звездой во лбу. Так делается и сейчас, с тем лишь исключением, что несколько быстрее, чем раньше: таможенные формальности теперь не такие строгие, и паровоз меняется практически на ходу. Потом, через некоторое время, появился «Аллегро» – быстрый как сон.

Поезд – превосходное средство передвижения, если едешь в Россию. Ты сидишь в своем купе, тихо-спокойно, а все те, которые что-то ищут, приходят к тебе, останавливаются в дверях, рассказывают, что им нужно, мы как-то решаем вопрос. В поезде нет очередей на регистрацию, как в аэропорту, не звенят никакие датчики при просвечивании, не приходится стоять в носках полураздетым, расставив ноги, как это нынче принято. Мир перевернулся с ног на голову: сейчас весь багаж в аэропорту перерывается при досмотре точно так же, как раньше в московском поезде, потому что в бутылке из-под шампуня может оказаться бомба («спасибо» террористам). Теперь в поезде даже самый малообеспеченный пассажир может хотя бы на минуту почувствовать себя представителем бизнес-класса.

Но с этой идиллией, видимо, придется попрощаться, потому что в 2007 году в поезде Москва – Питер прогремел взрыв. Об этом красочно рассказывали в том числе и в финских новостях. Теперь нигде не безопасно. Но, тем не менее, поездам я доверяю больше, чем самолетам.

Хотя бы только потому, что из Шереметьево в Москву из-за вечных и постоянно увеличивающихся пробок попасть за разумное время просто невозможно, по крайней мере до тех пор, пока туда не проведут метро.

Времени в поезде хватало на все, впрочем, как и сейчас. В привокзальном ресторане в Выборге можно было даже успеть поесть на скорую руку, если только набраться для этого смелости. Чуть позже это удалось, когда ко всему немного попривыкли и слегка подучили язык. Местная солянка оказалась буквально фантастической, тем более что по пути можно было еще мимоходом взглянуть на старый финский город в русском окружении. Невероятная, почти пугающая и бросающаяся в глаза пестрота этого сочетания, а также слегка деревенская и, на первый взгляд, даже немного дикая атмосфера провинциального и приграничного города задавали особый тон в предвкушении всего того, что ждало нас впереди – в Москве, на ее окраинах и, в особенности, там, где уже не Москва.

На дверях выборгской «Березки» висела тогда, то есть в 1972 году, отпечатанная вывеска, которой я долго удивлялся. В ней на финском языке нам сообщалось следующее: «Чеки здесь не принимаются» (в финском языке слова со значением «чеки» и «чехи» пишутся одинаково – *tshekit*). «Странная дискриминация, может, это отголоски Пражской весны, событий 1968 года?» Эта моя первая мысль – свидетельство того, что ничто не казалось мне невозможным. Правда, разбор русского текста по слогам обнаружил несколько иной смысл этого послания. Чеки не принимались всего лишь в качестве средства оплаты, купить водку, шоколад, матрешек, парфюмерию и цветастые платки можно было в этих магазинах только за наличную валюту.

Финляндская марка в то время была самой настоящей валютой. В этом заключалось первое сообщение о равноправии прибывшему в СССР туристу. Но в отношении денег равноправия как раз таки и не было. Рублей в стране хватало всем, но на них ничего нельзя было купить в «Березке», единственном месте, где продавались все самые дефицитные товары – магнитофоны и телевизоры. Простой русский не мог попасть в «Березку», просто даже чтобы посмотреть на эти товары.

...Свою заветную бутылку получил каждый желающий, вся наша очередь. Пробки были извлечены, и все принялись за дело. Так началось путешествие, во время которого я принял решение вернуться в эту страну вновь и выучить ее язык. После Грузии и Армении я понял, что на свете есть еще масса других языков, алфавитов и орфографий. Все для меня было новым. СССР был случайным соединением самых разных народов, национальностей, государств. За его пределами это увидеть было невозможно, не говоря уже о том, чтобы понять.

Иногда попадались такие народы, о культуре которых я не имел ни малейшего представления. Из первого путешествия таким местом оказалась Армения. Горы, странный язык, черноглазые и большоголовые люди. Вино, коньяк – национальная гордость. Еще помню, как мы, размахивая плавками, отправились к озеру Севан, только потом заметив, что оно покрыто толстым слоем льда, потому что было высокогорным. Спустя годы я все-таки как-то летом попал на это озеро в купальный сезон, но тут же вылетел из воды как ошпаренный. Было такое чувство, что я сиганул в дважды охлажденную прорубь для пыток, при том что на берегу было самое что ни на есть лето с жарким солнцем. Разреженный горный воздух всегда несет в себе космический холод.

Пасха в Армении всегда означала некий карнавал, во всяком случае в то время или именно для нас. Верующий ранне-христианский народ десятками тысяч собирается в Эчмиадзине (сейчас это Вагаршапат) в окрестностях самой священной церкви. Наши финские коммунисты не верили своим глазам, ведь религия казалась им древним пережитком. Что же это было за суеверие? Особенно ужасались этому и округляли глаза преданные коммунистическим идеям представители крайне левых. Этих дикарей православным следовало реально стыдиться. Благородную идею они втоптывали в грязь.

Религия, гораздо более старшая, – Армянская церковь, представлявшая свое собственное направление в раннем христианстве, – с ними совершенно не считалась. Так же потом происходило и в других местах, где мы оказывались. Пасхальные религиозные традиции в Армении, по крайней мере, на взгляд туриста, казались ошеломляюще первобытными.

Двух тысяч лет как не бывало в мгновение ока. Убивали баранов, перерезали им горло, кровь била фонтаном, бараны блеяли и хрипели, пальцы обмакивали в свежую кровь и маленьким детям на лбу рисовали кровавые кресты. Дети, полураздетые, носились во всем этом хаосе, петухи и куры орали, настигнутые точно такой же смертью, что и бараны. Сотни костров горели, свежее мясо жарили прямо на огне, нанизав на вертел. Почему-то Воскресение надо праздновать с полным желудком.

Главная церковь, когда мы туда пришли, была полным-полна народу. А когда мы вышли наружу, выяснилось, что зад каждой из наших женщин был полностью покрыт синяками от щипков правоверных мужчин-прихожан, которые таким образом поздравили представительниц западного мира с праздником. Кажется, именно здесь, где женщины в брюках привлекали всеобщее внимание и были объектом определенных шуток, один весьма пожилой, улыбчивый, весь покрытый морщинами мужчина приложил длинные волосы одной из наших спутниц к своей верхней губе, изображая усы. И это все только для того, чтобы продемонстрировать, что они думают о женских брюках.

Неужели это тоже был Советский Союз, атеистическая страна равноправия? Да, тоже, как и многое-многое другое.

Русский язык стал своего рода пиджином, объединявшим в империи все народы и национальности. Так что я тоже решил начать его учить, чтобы понять в этой стране хоть что-то. Кроме того, я смог бы прочесть такие книги, которые вряд ли когда-то будут переведены.

Я со всей печальной очевидностью понял, что без языка я буду полностью зависеть только от того, что видят мои глаза, от чужих рассказов, предрассудков и спорадических переводов. В этой поездке вторым руководителем и переводчиком была у нас Риита Сухо-

нен из компании «Ломаматка». Впоследствии Ритуля дала мне несколько уроков русского языка и помогала на первых порах в общении с Эдуардом Успенским. Долгая учеба в Москве выработала в Ритуле, кроме ироничности и чувства юмора, важнейшие навыки выживания в этой стране: понятие относительности, терпение и упорство.

3

Успенский уже появился в моей жизни, правда, пока что только в виде имени, фамилии и текста.

После этой поездки, в которой я принял решение учить русский язык, я самозабвенно принялся претворять это решение в жизнь. Мотивов для этого было теперь предостаточно. Я хотел понимать, о чем вокруг меня говорят, и хотел научиться понимать печатное слово. Но больше всего мне хотелось начать читать Чехова на его родном языке; я считал, что Чехов – непревзойденный и самый интересный русский писатель-классик XIX века, сопоставимый по масштабу ну разве что с Гоголем.

Учил язык я в основном сам. Методика заключалась в постоянном повторении. Я помню, что все свое свободное время я тратил на прослушивание пластинок, где русские эмигранты читали что-то по-русски так, как будто этот язык был для них иностранный. Но никаких других вариантов у меня просто не было. Поскольку у меня был тогда не самый простой период в жизни, я только что развелся с первой женой, в новом доме я часто по ночам не мог уснуть. Во время бессонницы я надевал громадные наушники и без конца слушал эти пластинки. Комнатенка, в которой я жил, сначала была в местечке Кауниайнен, а потом я переехал на Лаутгасаари, на второй этаж таунхауса. Одно окно выходило во внутренний двор, а второе – на лес и садовые участки.

Зимой на втором этаже было довольно тихо. Жизнь как будто замирала. Поэтому глагол «гулять» с пластинок мне особенно врезался в память.

Он означает: «ходить», «прогуливаться», «слоняться праздно без дела», «отмечать», то есть «праздновать». Для последнего в качестве соответствия современный финский язык предлагает слово «пьянствовать». А вот «отмечать» предполагает весьма умеренное и приятное возлияние. Глагол «гулять» в моей жизни постепенно пережил все свои возможные значения, но сейчас все это уже в прошлом. Праздники отпразднованы, развод состоялся, сын живет в другом месте, далеко от меня. Все это надо было пережить, винить в случившемся оставалось только себя. И только тогда я понял, что старался как-то убежать от всего этого. И именно поэтому я начал учить русский язык. В помещении Общества финской литературы на улице Халлитускату я вызубрил алфавит. Там под руководством Райи Рюмин собирался вдохновенный кружок русского языка. Я думал, что стоит мне только выучить алфавит, как дело тут же пойдет... Поэтому я никак не ожидал, что учение будет мне даваться несколько тяжелее, чем я надеялся. Где-то на уровне подсознания у меня было ощущение, что все мои усилия не напрасны. Хотя бы уже потому, что я буду думать о чем-то другом.

Начальный уровень моего русского языка привел меня благодаря моей работе в издательстве «Отава» на ту книжную ярмарку, которую я никогда не забуду, и тот единственный слет скаутов, который проводится каждую осень в Москве. Был Франкфурт, холодная, убийственная индустрия, где деньгам и приносящим их книгам поклоняются, как богам. А вот Москва, напротив, оказалась тем местом, где живут настоящие любители книг, и это при том, что в СССР книжный рынок представлял собой невероятную мешанину: беллетристический сюжет романов зачастую оказывался на службе у пропаганды, прославляя советские этические, моральные и экономические принципы жизни. После прочтения первых глав уже было понятно, о чем вся книга.

Не поэтому ли русские так любили тогда настоящую литературу? Пожалуй, что так. Кое-что об этой стране и ее людях постепенно я начал понимать. Однажды я работал на ВДНХ, где мне была определена роль постоянного представителя издательства «Отава», то есть что-то типа мебели.

Там я узнал, что такое издательский протокол.

В нем не было ничего сложного, потому что в меню всегда присутствовало одно и то же блюдо (как и в большинстве ресторанов страны). Советские издатели делали вид, что что-то покупали, хотя на самом деле не покупали совершенно ничего, если, конечно, это не были речи Кекконена. Мы, в свою очередь, делали вид, что что-то покупаем. Все это напоминало какой-то невообразимый фарс, строгий ритуал, о котором не говорилось вслух, но который все соблюдали, будто постоянно водили один и тот же хоровод. И когда советские издатели уже всерьез пытались нам продавать свою продукцию (хоть я стараюсь здесь максимально непредвзято использовать это нынешнее ужасное и затасканное слово «продукция», каждую свою книжку наши товарищи сопровождали еще более замечательным определением – макулатура), им было вполне достаточно нашей подписи на так называемом предварительном договоре, который всего лишь имитировал официальный документ.

И все были довольны: они как бы заключили сделку, а мы как бы вроде и не обязаны ничего покупать. Этот спектакль был частью политических отношений между нашими странами, одной из составляющих нашей дружбы. И этого было достаточно. В действительности же книги покупались и переводились совсем не так: это делалось только после того, как они были прочитаны дома. Так было, например, с рассказами Шукшина или Казакова. Тем не менее, подписание предварительных договоров было для наших партнеров необычайно важно, потому что именно эти данные делали статистику. Поскольку эти договоры нас ни к чему не обязывали, мы с легкостью их подмахивали своими подписями, когда это было нужно. Для нашего отдела гораздо важнее было, чтобы в холодильнике, стоявшем в нашем павильоне на ВДНХ, всегда была водка «Финляндия», которой можно было бы угостить покупателей и продавцов. Так распорядилось наше издательское начальство.

Это финское упрямство удивляло меня тогда и продолжает удивлять сейчас. Мне было совершенно непонятно, зачем нужно потчевать гостей плохой неочищенной водкой именно в Москве, в столице самой лучшей и самой мягкой водки в мире? Но все эти разумные доводы не помогали, поскольку приказ был спущен свыше.

И мы вынуждены были ему следовать. А что еще может сделать подданный, когда ему приказывает князь? В итоге он тоже льет себе в стакан с едва сдерживаемой усмешкой. После того как тост уже был сказан и бокал поднят, на лица русских я зачастую просто даже не решался поднять глаза. Даже самые заядлые любители горячительного оставляли что-то на дне рюмки. А потом за углом в буфете, после небольшой очереди, сразу добавляли себе кое-чего поприличней. Надо сказать, что томление в очереди того стоило.

Мы, прохлаждавшиеся за стойкой павильона, составляли весьма маловажную часть нашей делегации. Единственный, кого встречали как господина, был Хейкки А. Рээнпяя: на аэродроме его ждал черный представительский автомобиль. Никаких визовых формальностей (не говоря уже о таможене) он не проходил, хотя, конечно, виза у него была, так же, как и у президента Финляндии. Обратного нашего ХАРа провожали аналогичным образом: на автомобиле прямо к трапу – после охоты на медведей и кабанов. В награду за такой прием «Отава» опубликовала собрание брежневских речей. Господи Боже, какая же это была макулатура! На этом фоне Кекконен был просто прирожденным писателем и на пару с Паасикиви самым лучшим из наших президентов.

Но жизнь тогда была такова, а с точки зрения разделения людей на привилегированных и обычных она остается таковой и сейчас. Народ сторонился, пропуская мчащиеся мимо вереницы лимузинов, и набивался в «Икарусы», если повезет, а если нет – в теряющие запчасти круглозадые «Татры», тряска в которых вызывала похмелье даже у трезвых пассажиров. Иностранной делегации, помимо стояния у своего стенда, необходимо было выполнять и некоторые другие обязанности. Где-то всегда нас ожидали какие-нибудь скучающие представители издательств, директора детских садов, библиотек или типографий, которые были

согласны принять нас у себя. Естественно, у обеих сторон это отнимало примерно добрых два часа.

В 1974 году с нами поехала редактор детского отдела издательства «Отава» Марья Кемппинен. Помнится, тогда был какой-то год детской литературы, и для знакомства было выбрано крупнейшее в мире детское издательство «Детская литература». Значит, нам всем туда, раз не удалось вовремя сбежать. Прием был на высшем уровне, директор издательства, мадам Пешеходова, напоминала бывшую аристократку, которая общалась с гостями на манер знатной госпожи. Ее окружал десяток женщин, самые старшие из которых находились в непосредственной близости от директора, а самые младшие – заметно поодаль. Мадам произнесла краткую речь, затем говорил руководитель какого-то отдела, а мадам курила папиросу, вставленную в желтый мундштук, и равнодушно на нас взирала. Она знала, кто есть кто и кто чем занят. Директор всегда директор, даже в Стране Советов.

– Вопросы есть? – спросила мадам, не ожидая никакой реакции с нашей стороны.

Однако я все-таки напрягся, сформулировал вопрос и очень медленно, с неуклюжей интонацией, по-русски изрек:

– Какая сейчас самая лучшая русская книга для детей?

Мадам подняла на меня взгляд из-за своего мундштука. Я вопреки своим привычкам вынужденно сидел в первом ряду, не имея возможности сбежать.

– Вы действительно хотите это знать? – задала она следующий вопрос, глядя мне в глаза.

– Да, хочу, – весело отозвался я, потому что мне это действительно было интересно. На начальном этапе изучения русской грамматики основной массив потребляемой мной литературы составляли именно детские книжки, потому что на большее меня пока что не хватало. Они оказались еще более назидательными и тенденциозными, чем я ожидал.

Мадам что-то проговорила и хлопнула в ладоши. Две девочки выбежали из зала. Когда они вернулись, у одной из них в руках была тоненькая книжица, которую она протянула мадам Пешеходовой.

Мадам кинула на нее быстрый взгляд, проговорила что-то, чего я не успел разобрать, и передала мне книгу.

Я принялся ее листать. Иллюстрации показались мне вполне симпатичными, обложка тоже, наконец добрался до автора и названия книги: Эдуард Успенский «Дядя Федор, пес и кот».

Что значило слово «дядя»: папин или мамин брат или какой-нибудь посторонний дядька? С псом было понятно: пес – это собака. Кот – это кот.

– А можно взять эту книгу? – поинтересовался я.

– Нет, это у нас единственный экземпляр, – ответила мадам.

Не знаю, что на меня нашло, наверное, утреннее пиво и то, что было выпито чуть позже для облегчения предстоящих дневных страданий, но, видимо, я разбушевался. Я бросился перед мадам на колени, прижал книгу к груди, как жертвенный дар, и взмолился:

– Можно?..

Моя покорная мольба проняла ее:

– Забирайте, – милостиво ответила она.

Так я заполучил эту книгу. Мы еще некоторое время поговорили о том о сем, и на этом наша встреча закончилась. Мадам пропала, мы вышли из издательства и окунулись в суету проспекта. Затем сели в наш автобус и поехали на выставку, прошли шумной толпой мимо павильонов всевозможных мастей к нашему стенду. Русское название этого мероприятия было причудливой смесью своих и заимствованных слов: книжная ярмарка. Ярмарка – чистое немецкое заимствование (Jahrmarkt), а книга – старинное собственно русское слово.

Люди толпились в воротах и у самого входа, но, похоже, мало кто проходил внутрь. Так как на ярмарке была выставлена западная литература, попасть туда можно было только по официальным пропускам. Даже простое созерцание вражеских томов могло перевернуть систему ценностей советских граждан. Иностранные языки им не преподавались, лишь члены партии, их дети и ряд приближенных получали доступ к этому счастью. Простые люди языки учили сами и, надо сказать, выучивали. Русские были к этому способны. Но больше всего они были привычны к ожиданию: заядлым книголюбам ничего не оставалось, как только ждать и надеяться, что сердце охранника когда-нибудь дрогнет. Это была своеобразная квотируемая демократия, а еще было и банальное взяточничество: если о цене удавалось договориться, охранник говорил «налево» и пропускал внутрь.

Я помню одного человека, который несколько часов сидел возле нашего стенда и изучал книгу по рыболовству на финском языке. Языка он не знал, но пытался запомнить все способы вязания узлов и для этого многократно повторял руками каждую фазу завязывания, как будто дирижировал невидимым оркестром.

Вечером, после обязательного посещения бара в «Национале», появления вызвавших удивление проституток, я принялся в своем номере за чтение подаренной книги. Комната была немного неуклюжая, но уютная, со сквозняком, с улицы доносился шум машин, горела лампа, в углу шуршали тараканы, а утром первое, что я увидел, открыв глаза, были громадные усы, шевелящиеся у меня на носу. Это был не сон.

Но до утра пока еще было далеко. А сейчас была ночь, в стакане чуть-чуть водки, немного лимонада, так что я сидел и читал. Книга Успенского оказалась чем-то совершенно иным, совсем не тем, к чему я уже успел привыкнуть. Она была веселой, забавной от начала до конца. Меня поразили ее свежесть, юмор, да практически – все. Книга была очень русской, но одновременно и универсальной. Многих слов я не знал, но словарь мне очень в этом помог. Так я и заснул, с удивительным ощущением, что сама судьба подарила мне книгу, которая наконец-то принесла радость.

На следующий день я поделился своим открытием с Марьей Кемппинен, и вот так детская книга Успенского попала в протокол крупнейшей финляндско-российской встречи издателей. Договор подписали, улыбками и комплиментами обменялись, руки пожали. Но на этот раз предварительный договор не отправился напрямиком в мусорную корзину, а получил несколько иное продолжение.